
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОПЕРАТОРА ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ДРУГОЙ

Р. Р. ГРДЗЕЛЯН

Человек воспринимает мир и отражает его в языке не только констатируя существование объектов, их свойств, качеств, действий, но и сопоставляя свойства, качества этих объектов, характер их действий, состояний, ситуации, участниками которых они являются. Именно из такого сопоставления возникает таксономия явлений действительности, которая охватывает весь познанный человеком мир и которая лежит в основе языка.

Сопоставляя факты реального мира, человек может их сравнивать, то есть выявлять сходства между ними, и противопоставлять, то есть выявлять между ними различия. И в том и в другом случае реальная действительность отражается в языке не «посредственно, иконически»¹, а через отношение говорящего к этой действительности. Уже тем самым, что человек противопоставляет факты реального мира, он дает им оценку, квалифицирует два объекта как различные, несхожие, не подобные друг другу или как однородные, но противоположные. Оценка по природе своей явление субъективное. Однако мера субъективности различна. Противопоставляться могут два объекта, несхожесть которых или противоположность известна всем. Возможно также противопоставить два объекта, которые в сознании всех не различны и не противоположны ни по каким параметрам. Конечно, на этой «шкале субъективности» между крайними ее точками есть множество промежуточных.

Важную роль в языковом оформлении противопоставления играет слово другой. Это слово вводится в текст, как правило, при противопоставлении однородных объектов или объектов, мыслимых говорящим как однородные.

Основная функция слова другой во всех случаях — это оформление противопоставления. Все остальные функции (оформление определенности/неопределенности, сужение объема понятия, обозначение кореферентности и др.) являются сопутствующими и всегда подчинены основной функции. Поэтому другой в высказывании всегда однозначно оформляет противопоставление. И поэтому это слово можно назвать оператором противопоставления. Будучи таким сильным механизмом, оно способно противопоставлять явления, с объективной точки зрения не различные и не противоположные ни по каким параметрам, причем, противопоставлять не только эксплицитно, но и имплицитно.

В работе проводится анализ высказываний и текстов, содержащих слово другой в атрибутивной функции. Учитывая тот факт, что другой является оператором противопоставления и всегда однозначно оформляет его, за основу классификации взяты не различия в способах выражения противопоставления (как нам кажется, они не столь значительны), а различия в референции при одинаковом осуществлении референциального акта. Анализ этих различий позволил выделить пять типов референций. При анализе высказываний и текстов учитывались также следующие параметры: определенность/неопределенность (в каких случаях другой оформляет ИГ определенно, в каких — неопределенно); противопоставление эксплицитное/противопоставление имплицитное; степень закрепленности за контекстом.

¹ См.: Т. М. Николаева. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., Наука, 1985, с. 29.

Для точного прочтения высказывания, содержащего слово *другой*, важны также позиция этого слова или всей именной группы в предложении и возможность/невозможность замены этого слова на синонимы *иной*, *второй*. Итак, рассмотрим тексты по выделенным группам.

Первая группа

Именная группа с атрибутивом *другой* имеет значения:

а) один из двух и б) один из известного количества, но больше двух. Значение «один из двух» наблюдается в случаях, когда атрибутив *другой* сочетается со словами, имеющими семантический признак «парность», и в случаях, когда значение «один из двух» продиктовано контекстом. Рассмотрим эти случаи:

- (1) После детского спектакля я вышел на сцену. С *другой* стороны вышел мальчик с жезлом.
- (2) Половину зарплаты он, как известно, отдавал Зое с Ниночкой, а на *другую* половину должен был жить и делать подарки Вале.
- (3) Мамина мама руководила моим воспитанием с *другого* конца города.
- (4) ...так и не было ясно, видит ли он тем, *другим*, пораженным болезнью глазом.

Во всех этих случаях *другой* сочетается со словами, которые имеют семантический признак «парность»: сцена имеет две стороны, целое всегда состоит из двух половин, у человека два глаза; слово «конец» в своем первичном значении тоже «парно», потому что обозначает крайние точки некоего отрезка. Все это уже заданный опыт говорящего, поэтому во всех рассматриваемых текстах значение ИГ «*другой*+имя» не зависит от контекста. Противопоставление продиктовано экстралингвистическими условиями, оно задано опытом говорящего. Этим также обусловлено образование устойчивых сочетаемостей «*другая* сторона», «*другой* берег», «*другой* конец», «*другая* половина». Такое противопоставление можно назвать «примитивным», потому что сопоставляются два одинаковых имени: сторона—*другая* сторона, половина—*другая* половина, конец—*другой* конец, глаз—*другой* глаз.

Лексическая природа этих имен обуславливает как имплицитность противопоставления, так и независимость от контекста. Эксплицитность в данном случае избыточна, поскольку «парность» таких слов, как «сторона», «половина», «конец», «глаз», изначально известна любому носителю языка и знание это тривиально. Появление эксплицитного противопоставления в ряде случаев может быть не просто избыточным, а противоположенным быстрой, экономной и беспрепятственной коммуникации. Однако это не исключает случаи эксплицитного противопоставления (ср., 2).

Наличие семантического признака «парность» у лексем, сочетающихся с атрибутивом *другой*, обуславливает также определенность этой ИГ. Этим значением мотивировано и употребление исключительно единственного числа.

Значение «один из двух» может быть продиктовано контекстом в следующем случае:

- (5) Два голоса—один читал, *другой* вторил.
- (6) ...любил сразу двух женщин—одну красавицу, *другую*—умницу.
- (7) Независимость личности создается любовью, но есть два рода любви.

Одна любовь для себя называется счастьем, *другая*—подвигом.

Для референциального анализа атрибута *другой* эти тексты, как нам кажется, не представляют интереса так как слово *другой* здесь входит в состав пары «один—*другой*», выполняющей функцию союзных средств, то есть грамматическую функцию.

В эту же группу текстов входят те, в которых атрибутив *другой* имеет значение «один из известного количества, но больше двух». Тексты с двумя названными значениями атрибута *другой* целесообразно рассматривать в одной группе, потому что они объединены более общим значением «один из закрытого множества объектов». Значение «один из известного количества, но больше двух» наблюдается в случаях, когда 1) атрибутив *другой* сочетается со словами и словосочетаниями, обозначающими некоторое закрытое множество объектов, причем, «закрытость»

эта обусловлена не контекстом, а изначально заданным опытом, и когда 2) значение это продиктовано контекстом.

Рассмотрим случай (1).

(8) ... постепенно в домашней педагогике должна возрастать роль **других членов вашей семьи**—прежде всего отца ребенка.

(9) ... дыхание через высшее существо в природе, человека, определено вместе с **другими органами** на выработку мысли.

Понятно, что список членов любой семьи закрытый, у человека определенное количество органов. Противопоставление в этих текстах можно охарактеризовать следующим образом: объект как представитель определенного класса—общеродовое понятие. Противопоставление в данном случае возможно как эксплицитное, так и имплицитное.

Очень частотны случаи, когда значение «один из известного количества, но больше двух» обусловлено широким контекстом:

(10) Премпровали доярку путевкой в дом отдыха Академии наук. Деревенская старушка сидит с **другими отдыхающими** за круглым столом, прислушивается, вдруг засмеется— все делают вид, что не замечают.

(11) **Итак, другие кафедры** посматривают на нас с уважительным пренебрежением.

(12) В числе **других заведующих кафедрами, не имеющих докторской степени, забеспокоился, забил хвостом и профессор Яковкин.**

Из широкого контекста (статьи, романа, очерка, главы) следует, что в доме отдыха какое-то определенное количество отдыхающих; в романе речь идет не вообще о кафедрах, а о кафедрах определенного вуза. Противопоставление в текстах данного типа эксплицитное, а также а) «примитивное» (кафедры—другие кафедры) и б) сопоставление с общеродовым понятием (доярка—другие отдыхающие, профессор—другие заведующие кафедрами).

Лексемы, сочетающиеся с другой в этом значении, содержат семантический признак «исчислимость». Это мотивировано характером референциального значения: то, что известно по количеству, должно быть исчислимо и конкретно. Рассматриваемое значение обуславливает также употребление только множественного числа.

Вторая группа

Вторая группа объединяет два типа референциального значения атрибутива другой: «не этот, а тот» и «не этот, а тот, который указан в тексте». Рассмотрим значение «не этот, а тот».

(13) И **голос ее** я не забыл, просто **другие голоса** накладывались.

(14) Перед **порогом** выздоровления были **другие пороги.**

(15) ...молодая белка спирально опускалась по дереву, а на **другом дереве** еще две...

(16) К **густо-розовому цветку**, в глубине которого видна широкая кисточка головастеньких тычинок цеплячей желтизны, с нежностью **приник другой цветок**, белый, как снег.

(17) **Петр...** не был похож на **других царей.**

(18) Да, это была не **мать**, а **другая женщина.**

Функции атрибутива другой в этих текстах таковы: 1) единичный предмет противопоставляется такому же единичному предмету (дерево—другое дерево, цветок—другой цветок); 2) единичный предмет противопоставляется множеству таких же предметов (порог—другие пороги, голос—другие голоса); 3) единичный предмет противопоставляется общеродовому понятию (Петр—другие цари, мать—другая женщина). Противопоставление во всех этих случаях эксплицитное, контекстом не обусловленное, потому что в данном случае в первую очередь сопоставляются слова как лексические единицы.

Для этой группы характер лексемы не релевантен: это может быть конкретное имя или абстрактное, исчисляемое или неисчисляемое. Объясняется это тем, что роль противопоставления полностью выполняет контекст.

И именно поэтому часто трудно квалифицировать эти ИГ как определенные или неопределенные, а если и можно квалифицировать их как более/менее определенные или более/менее неопределенные, то только с помощью контекста, иногда—с помощью коммуникативных установок говорящего. Для прочтения этих

ИГ как определенных или как неопределенных важно также число имени: единственное число больше тяготеет к определенности (ср. 16), а множественное число — к неопределенности (ср. 13, 14).

Значение «не этот, а тот, который указан в тексте» отличается от предыдущего полной контекстной обусловленностью и представляет для референциального анализа наибольший интерес. Противопоставление здесь может быть и эксплицитным, и имплицитным. Рассмотрим сначала более простой, эксплицитный вариант противопоставления:

(19) Жалость по-прежнему владела им, но другая, не общая, всеветская, а живая, отдельная жалость. (И. Грекова)

(20) Здесь кончается Гончарова-Елена, Гончарова-пустое место, Гончарова-богиня, и начинается другая Гончарова: Гончарова-жена, Гончарова-любящая, новая Гончарова, которая, может быть, и полюбила бы Пушкина. (М. Цветаева).

(21) Я увлеченно писал, и другая, нежели раньше, пыль покрывала мой стол. Та, прежняя, философская, скопьялась из отщепенства. Я дрожал за целостность моего труда. Нынешней я не стирал солидарности ради, симпатизируя щепию Гиссерской дороги. (Б. Пастернак).

В этих текстах противопоставляются различные качества, приписываемые авторами текстов какому-либо имени. Лексема другой в этом случае участвует в организации антонимической синтаксической структуры, в некоторых текстах она может быть элиминирована без ущерба для этой структуры, однако с ущербом для всего текста в целом: другой в этих текстах в первую очередь выполняет функцию актуализатора противопоставления. Оно акцентно выделено и подчеркивает коммуникативную установку текстов, во всех случаях одинаковую: обратить внимание на противопоставленность двух качеств, событий, состояний, ситуаций. Примечательно и закономерно поэтому наличие в этих текстах антонимов, характеризующихся динамичностью признака (раньше—теперь, прежний—нынешний); фазисных глаголов с противоположным значением (кончается—начинается); лексических и контекстуальных антонимов. Все перечисленные слова можно считать спутниками другой в тексте.

Гораздо более сложны функции слова другой в текстах с имплицитным противопоставлением. Уже два таких параметра, как имплицитность и полная контекстная обусловленность осложняют механизм противопоставления: наряду с имеющимся текстом при восприятии информации строится «теневого текст». Функция лексемы другой в этих текстах похожа на «бумеранг»: в зависимости от того, с каким именем сочетается другой, оно посылает обратно, «наверх», уточняющую информацию, таким образом нарушается линейность восприятия информации.

В подобных текстах возникают анафорические острова. Антецедент в них либо выражен имплицитно и восстанавливается только благодаря ИГ «другой+имя», либо он частично эксплицитован, но для полного его восстановления также необходимо наличие ИГ «другой+имя».

(22) Эх, девушки, бедные вы мои! Давно прошла война, выросло другое поколение, а все вас слишком много.

В данном тексте ИГ «другое поколение» соотносится со словом «война», ввиду чего появляется теневой текст с противопоставлением: военное поколение—послевоенное поколение.

(23) Вы понимаете, Нина Игнатьевна, я же ему эти работы своими руками все равно как подарил... Это нечестно будет—подарил и отнял.

Лучше я напишу другую диссертацию.

В тексте соотносятся ИГ «эти работы» и «другая диссертация» и поэтому можно построить теневой текст с эксплицитным антецедентом «эта диссертация».

В некоторых случаях теневой текст возможно восстановить не на уровне слова, словосочетания, высказывания, а на уровне текста. Преобразования в таких текстах нужно производить до тех пор, пока не появится слово-антецедент.

(24) Жду тебя. На все лето взяла отпуск. Не поехала со своими ребятами в пионерлагерь: жду тебя! Но если ты передумал, я не обижусь. У тебя могут быть другие дела и планы.

(24)⁴ Жду тебя. На все лето взяла отпуск. Не поехала со своими ребятами в пионерлагерь: жду тебя.

(ты должен ко мне приехать)

(у тебя план ко мне приехать)
У тебя могут быть другие дела и планы.

Третья группа

К третьей группе относится тип референциального значения «не этот, но какой неизвестно/неважно». Слова 'неизвестно' и 'неважно' приведены вместе не произвольно. Они отражают две различные коммуникативные установки говорящего: 1) говорящему неизвестно, о каком конкретно объекте идет речь; 2) говорящему известно о каком объекте идет речь, но он считает, что для адресата не важна конкретная информация об этом объекте. В первом случае мы имеем дело с полной неизвестностью, во втором—с частичной.

Для атрибутива другой в этом значении характерна независимость от контекста и противопоставленность неопределенному, открытому множеству однородных объектов. В этом случае так же, как и при значении «один из двух», наблюдается тенденция к устойчивой сочетаемости. Так, регулярно воспроизводятся в языке словосочетания «другой город», «другой человек», «другая страна»:

- (25) ...билеты в **другой город** стоили недешево.
(26) Она способна «перевоплотиться»—поставить себя на место **другого человека**.
(27) ...я смотрел на студентов, сиделся поймать их взгляд, ощутить, увидеть в них **другого человека**.
(28) Но не поспешность ли—принимать свои невеселые выводы о **другом человеке** за всю правду о нем?

Во всех этих случаях ИГ с атрибутивом другой выражает крайнюю неопределенность. Экстенционал слов «город», «человек» никак не ограничен, поэтому значение ИГ «другой город», «другой человек» крайне абстрактно. Однако встречаются случаи, когда контекст уточняет значение слова.

- (29) Валя писала, что между ними все кончено. Она встретила **другого человека**. (то есть другого мужчину, которого полюбила).
(30) Но вот недавно, месяцев шесть назад, мы переехали в **другой город**.
(31) Рассказать тайну о близком человеке можно только **другому близкому человеку**. (наличие определения «близкий» конкретизирует значение слова «человек»)

Однако атрибутив другой в этом значении может встречаться не только со словами «город» и «человек»:

- (32) ...все это усиливает впечатление, помогая перенестись в **другое время, в другую эпоху**.
(33) Очень хочется научиться свистеть. Как **другие мальчики**.
(34) ...он уже трещал крыльями, подыскивая себе **другую работу**.
(35) ...слесарь-водопроводчик подыскал себе **другое место** и уволился.
(36) Гордый Ужик в **другую школу** поступать не стал...

Результаты анализа позволяют сделать вывод: грамматика и семантика слова другой очень сложны. Всегда выполняя свою основную функцию—функцию противопоставления,— другой способно совмещать с ней и другие функции, причем механизмы выполнения этих функций и правила совместимости их не однозначны, а следовательно, сложны.

ԻՒ. ԻՒ. ՎՐԱԵՆՅԱՆ.— Դրոջոյ բառը իրեն նախադրոյթան օպերատոր և նրա իմաստաբանական բնութագրումը.— Հոդվածը նվիրված է **դրոջոյ բառի վերաբերման (սեֆերենցիալի) բնութագրմանը: Լեզվական նյութի վերլուծութեան հիման վրա կատարվում է բառի վերաբերման հետևյալ դասակարգումը՝**

- ա) Ա-ն հակադրված է փակ բազմութեան անդամներին,
բ) Ա-ն հակադրված է բ-ին տվյալ կոնտեքստում,
գ) Ա-ն հակադրված է բաց բազմութեան անդամներին: